

Мозалевский Виктор Иванович

Фантастические рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Иванович М.**
Фантастические рассказы / Мозалевский Виктор Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 166 с.

ISBN 978-5-519-97203-1

Содержание: Вивея; Игрушка; Эолина и Макарей; Воспоминания Анжели-
ки; Чувствительная повесть

ISBN 978-5-519-97203-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

— Я Читалъ у себя дома въ уютной комнатѣ *De jure belli ac pacis* миротворнаго Гроція,—вещь, въ общемъ, скучную, но эта книга попала почему-то въ мою библіотеку, надо было и ее прочитать.

Уже два года я сиднемъ сидѣлъ въ своемъ имѣніи, не принималъ сосѣдей, а со слугами говорилъ лаконически. Правда, моя старая нянька ежеутренно лѣзла, какъ банный листъ, со своими наставленіями и ламентациями. Но тогда я прибѣгалъ къ мѣрамъ, далеко недостойнымъ сына генераль-лейтенанта и сановитаго дворянина: въ старую сморщенную и похожую по цвѣту на щитъ черепахи физіономію моей кормилицы лѣтѣла пыльная туфля, стаканъ съ бромистымъ кали, горшокъ для извѣстныхъ надобностей и прочіе громоздкіе предметы. И на одинъ день эта Бавкида успокаивалась. Но, увы, на другой мнѣ опять приходилось обращаться довольно неделикатно съ вышеупомянутыми неодушевленными предметами, включая сюда и черепашью физіономію моей благочестивый няни... Но все это ничуть не относится къ исторіи, которую я скромно собираюсь записать. Нѣтъ. Итакъ, я читалъ благороднаго Гуго. Стукъ колесъ и чьи-то голоса за окномъ не произвели на меня никакого впечатлѣнія—въ это время я былъ озадаченъ однимъ оригинальнымъ латинскимъ оборотомъ и копался въ поясненіяхъ къ книгѣ, сдѣланныхъ моимъ дѣдушкой, человекомъ, вѣроятно, весьма образованнымъ. Но обстоятельства характера необычнаго отбросили меня далеко отъ *virtus, justitia etc.*

Въ мою комнату ввалился Петька, мальчишка, исправляющій у меня какую-то должность. Сапоги его были невѣроятно грязны, что едва ли было хорошо для паркета, и я, забывъ свой лаконизмъ, заоралъ: «Куда ты лѣзешь, смердъ!» Петька превратился въ истиннаго спартанца: прыгнувъ къ порогу, онъ повернулся ко мнѣ лицомъ и замахалъ рукой. Тогда я увидалъ, что въ рукѣ у него было письмо. Я вскочилъ, невѣжливо уронивъ Гроція,

даже отбросивъ его нѣсколько ногой, и съ біеніемъ сердца побѣжалъ къ дверямъ. Мое волненіе станетъ понятнымъ, если замѣтитъ, что въ теченіе 2 лѣтъ я не получалъ никакихъ писемъ—ни *billet doux*, ни родственныхъ, ни дѣловыхъ. Разъ, впрочемъ, была повѣстка—явиться къ мировому судѣ города К. Обвинялся я въ неповиновеніи властямъ. Странно, обвинять за то, что съ полисменомъ, явившемся разрѣшать вопросъ о какой-то спорной межѣ, я упорно не хотѣлъ разговаривать. Къ судѣ я не являлся, и на меня, кажется, махнули рукой... Я вырвалъ письмо изъ закорюзлыхъ рукъ Петьки и сдѣлалъ жестъ, обозначающій: вонъ. Но тотъ стоялъ, какъ часовой у порохового погреба, и тыкалъ пальцемъ въ мою руку. Я взглянулъ на письмо—это была телеграмма... Мое волненіе разрослось, спина и кончикъ носа стали чесаться. Я наскоро расписался, отдалъ расписку недоумѣвающему Петькѣ и присѣлъ на отоманку.

«Кой чортъ?» думалъ я и все не рѣшался вскрыть эту бумажонку. «Изъ Москвы?... Ну, ну...»

Крупнымъ почеркомъ истаго государственнаго меркурчика было написано:

«Если хочешь быть веселымъ, даже счастливымъ, и сдѣлать счастливыми и веселыми другихъ, пріѣзжай скорѣе въ Москву. Отвѣчай почтамтъ. Артамовъ».

Я перечелъ телеграмму восемь разъ, а въ девятый скомкалъ и выбросилъ подъ отоманку... Боже мой, кто такой Артамовъ? почему «счастливымъ, даже веселымъ?» Мистификація... Ага, это меня хотятъ женить на какой-нибудь дурѣ à la Лопухова... А Артамовъ—это, вѣроятно, моя идиотка тетя Вѣра. Нѣтъ, сикофанты, вамъ не удастся поймать скромнаго библіофила.

Такъ думалъ я. Но эта проклятая телеграмма и банальное слово «счастливый» вернуло меня къ моей прежней жизни и до того взвинтило, что вмѣсто розетки на потолокъ я увидалъ наглое, порочное тѣло Елизабеть, моей мюнхенской подруги, женщины завѣдомо испорченной, но обаятельныѣ ста Аштореть. Но кто же Артамовъ? О, эта фамилія—изъ монаха, давшего обѣтъ молчанія, я превратился въ негоднѣйшаго болтунишку.

Я сбѣжалъ внизъ, въ переднюю и повстрѣчался съ ненавистной нянькой. «Луша... позовите изъ флигеля Гаврилу Петровича. Да, скорѣе! разлѣнилась, какъ Хавронья!»

Нянька радостно взглянула на меня, словно я воскресъ изъ мертвыхъ, и застѣменила ко флигелю.

Черезъ минутъ десять ко мнѣ явился мой управляющій Гаврила Петровичъ—старое хитрое животное съ лицомъ пса-дворянина. Отвѣтивъ на его ироническій поклонъ, я спросилъ его *ex abrupto*: «Гаврила Петровичъ, вы не знаете ли, кто такой Артамовъ?» Гаврила Петровичъ, наступивши на Гроція и извинившись, впрочемъ, передъ нимъ, сѣлъ въ кресло и, глядя свою жидкую бороденку, изрёкъ: «Артамовъ, милостивый государь мой, мнѣ извѣстенъ. И извѣстенъ съ весьма неблагопристойной стороны. Жуликъ онъ, вашъ Артамовъ, хоть и за границей науки познавалъ...»

«Да, кто же онъ, чортъ возьми!» закричалъ я—эта старая псина убивала меня своимъ спокойнымъ тономъ и манерой методически чесать шею и крупный носъ *à la romme de terre*. «Жуликъ-съ», продолжалъ онъ, «ни одной дѣвкѣ въ селѣ проходу не давалъ, а скажешь что, онъ и выпаливаетъ сейчасъ проклятое слово... Подождите, вспомню... Ну, вотъ: не тронь меня—я перфектибилистъ».

Я вскочилъ съ отоманки, подошелъ вплотную къ этому безтолковому старикашкѣ и, взявъ его за пуговицу жилета, убѣдительно сказалъ: «Милордъ, если вы мнѣ не отвѣтите, чѣмъ занимается Артамовъ, а, главное, знакомъ ли я съ нимъ, я выкину васъ въ окно, какъ огрызокъ яблока».

Но тутъ я услыхалъ гомерическій хохотъ Гаврилы Петровича и почувствовалъ, что моя бѣлая холеная рука обрызгана липкой слюной. Онъ хохоталъ, какъ генералъ изъ «Мертвыхъ Душъ», и такъ тряся, что я сталъ бояться за его участь, а главнымъ образомъ, за участь стариннаго кресла, въ которомъ развалился этотъ мошенникъ. Прошло мучительныхъ двѣ минуты, и я сквозь цѣлые каскады нечленораздѣльныхъ звуковъ разобралъ одну удобопонятную фразу: «Своего товарища по дѣтству забылъ... ну, и проказникъ...» Тогда изъ моихъ устъ вырвался истерическій крикъ, и я, ударивъ себя по лбу такъ, что съ мизинца слетѣло кольцо съ сапфиромъ, прошепталъ: «Боже мой! Поль Артамовъ... Павлушка...» Гаврила Петровичъ пришелъ въ себя, и, будучи человѣкомъ все же деликатнымъ, удалился, оставивъ меня одного.

Артамовъ. Какъ я могъ забыть о немъ? Мысль, что я забылъ Артамова и въ теченіе 5 лѣтъ ни разу не вспоминалъ, показалась мнѣ мыслью чрезвычайной важности, и меня на минуту обурялъ мистическій ужасъ. Я—человѣкъ весьма скептически настроенный и Бальзака предпочту 1000 Эдгарамъ По, хотя и его *pour passer le temps* читаю, но это обстоятельство показалось мнѣ болѣе, чѣмъ страннымъ. Забыть Павлушку—это все равно, что забыть моего стараго пьяницу отца или свое собственное имя Валерій. Съ Артамовымъ мы учились вмѣстѣ въ гимназіи и были дружны, какъ Орестъ и Пиладъ, несмотря на полярность нашихъ характеровъ и *modus'овъ vivendi*. Вмѣстѣ же и поѣхали въ Мюнхенскій Университетъ, гдѣ насъ прозвали неразлучными буршами. Да, да. Я сейчасъ же его ясно представилъ: красивъ, какъ Антиной, съ зеленоватыми глазами... Не нравилась мнѣ его шарлатанская мистика или мистичное шарлатанство. Еще въ гимназіи онъ возился съ какой-то «пontiфикальной абракадаброй» и прочей нечистью. Ахъ, вспомнилъ, вспомнилъ: изъ-за этого мы и разошлись. Поль, послѣ долгаго предисловія и пошупываній моей души, предложилъ мнѣ поступить въ какое-то таинственное *Bruderschaft*. Я былъ пьянъ, какъ Силень, и въ отвѣтъ на его словесныя изверженія спросилъ: «А будетъ ли тамъ пиво... и Mädchen?» Тогда Артамовъ позеленѣлъ отъ злости и послалъ меня къ чорту. А я обозвалъ его какъ-то очень недельно. Послѣ этого онъ пересталъ мнѣ кланяться, и наши дороги разошлись. Но забыть, забыть...

Я зажегъ свѣчи, ибо стало уже значительно темно, и, вставъ на четвереньки, досталъ изъ-подъ отоманки скомканную телеграмму. Содержаніе ея мнѣ снова показалось банальнымъ, но, когда я читалъ, стараясь познать, въ чемъ дѣло, странный шорохъ, пронесшійся по комнатѣ, привлекъ мое вниманіе. Изъ-подъ отоманки выбѣжали двѣ мыши средней величины и жалобно запищали. Машинально я сталъ считать: онѣ пропищали 7 разъ. Въ столовой часы пробили 7, взоръ мой упалъ на календарь—у меня похолодѣли ноги—было седьмое сентября. № телеграммы былъ 777. Я потянулъ себя за ухо. «Стыдно, стыдно!» говорилъ я себѣ, «это совпаденіе, нелѣпое, правда, но совпаденіе». Я считалъ буквы въ словѣ Артамовъ—телеграфистъ не поставилъ ъ—ихъ было семь...

За окномъ, какъ и часомъ раньше, слышались голоса, и вдругъ я услыхалъ дивную мелодію на флейтѣ. Я посмотрѣлъ въ окно: бродячій музыкантъ зашелъ во дворъ, въ первый разъ за эти 2 года... Мелодія была необыкновенно красивой и заставляла думать о первой нѣжной ласкѣ женщины, о волшебной забытой старинѣ... Музыкантъ сыгралъ, потомъ началъ ту же мелодію, послѣ небольшой паузы. Машинально я сталъ считать: онъ сыгралъ семь разъ. Я схватилъ со стола замшевый маленькій кошелекъ съ мелочью и выкинулъ его музыканту. Тотъ поднялъ его, какъ мнѣ показалось, съ усмѣшкой и ушелъ, не сыгравъ больше ни ноты... Я хватилъ 40 капель *tincturae convalariae majalis*, пришелъ нѣсколько въ себя, все же, съ волненіемъ библіофила, у котораго страннымъ образомъ украли цѣнный фоліантъ, сталъ рѣшать нелѣпую загадку... Изъ моихъ запекшихся и идиотично отвисшихъ губъ срывалось слово: семь, семь... Но характеръ у меня чрезвычайно флегматичный, и выйди сейчасъ изъ земли хоть самъ Наполеонъ или Данте, я, привыкнувъ уже ко всякимъ несообразностямъ, предложилъ бы имъ выпить со мной чашку какао Ванъ Гутенъ... Мое спокойствіе скоро было опрокинуто мыслью существеннѣйшей: а ѣхать ли мнѣ, въ концѣ концовъ, въ Москву? Эти проклятыя мыши и пьяница-музыкантъ обратили мое вниманіе на скучную и неудобную цифру семь, касательно же моего отъѣзда никакихъ предсказаній не было. Изъ оконъ на меня глядѣли зеленоватые глаза Артамова, вѣрнѣе, зеленые цвѣтныя стекла, глядѣли съ недоумѣніемъ, какъ и я на нихъ. Но, въ концѣ концовъ, да простятъ мнѣ Спиноза и *doctor angelicus*, я превратился въ гимназиста, который гадаетъ по книжкѣ: любить, не любить. На столѣ у меня лежали «Неизданныя сочиненія Пушкина»—книга, какъ видите, весьма удобная для подобныхъ экспериментовъ. Рѣшивъ, что случай занесъ ко мнѣ на столъ эту книгу (не случай, а желаніе освободить въ шкапу мѣсто для Апулея), я придалъ этому значеніе трансцендентальное и съ небольшой дрожью открылъ книгу, загадавъ страницу и строку. Вотъ что я прочелъ:

«Пора! Въ Москву! Въ Москву! сейчасъ!»

Уважаемые господа науки, ученые безъ предразсудковъ, что сказали бы ваши умныя уста? Не знаю, но мои уста глупо зашевелились и произнесли что-то—не то «ма... ма...», не то «та...

ма...» Я швырнул Пушкина и изступленно закричалъ: «Эй! Кто-нибудь! Сюда!..» Вбѣжалъ Петька и... черезъ нѣкоторое время я увидѣлъ надъ своимъ лицомъ испуганную рожу Гаврилы Петровича. Первой моей фразой, вырвавшейся безо всякаго опредѣленнаго желанія съ моей стороны, было: «Милордъ... Прикажете заложить лошадей, соберите необходимыя вещи, а главное,—по-больше денегъ. Я сегодня уѣзжаю въ Москву».... Послѣдующія событія я помню скверно и поэтому могу думать, что онѣ—или крайне загадочны, или крайне скучны. Но въ вагонѣ я сдуру и отъ скуки заговорилъ съ моимъ единственнымъ спутникомъ, монсьеромъ, какъ выяснилось, болтливымъ, склада маклера или некрупнаго коммерсанта. Сдуру же я рассказалъ ему (отъ третьяго лица) о цифрѣ 7, преслѣдовавшей моего друга «Кардубадзе, грузинскаго дворянина». Коммерсантъ, подумавъ съ минутку, рѣшилъ, что «этому господину должно везти въ семерку». Иѣя узналъ, что существуетъ такая азартная игра. Это банальное предположеніе разозлило меня, я рѣзко прервалъ разговоръ съ маклеромъ, повернулся къ нему спиной и скоро заснулъ. Сновъ я никакихъ не видалъ.

II.

Красное солнце тонуло за очертаніями зданій и церквей Москвы, когда носильщикъ вель меня по платформѣ въ залъ I и II класса. Вдругъ мой затылокъ началъ конвульсивно вздрагивать, сердце отбивало какой-то діавольскій галопъ «Валерій, здравствуй!» услышалъ я позади себя звучный мужской голосъ, и сильныя руки обняли меня... Не стану передавать сцены встрѣчи и стереотипныхъ разспросовъ съ обѣихъ сторонъ. Самое странное началось въ домѣ Артамова на Божедомкѣ. Москвы я, въ сущности, не видѣлъ, ибо ѣхалъ въ довольно тряской каретѣ съ матовыми стеклами. Артамовъ всю дорогу упорно уклонялся отъ отвѣта на мой вопросъ—«что все это значитъ», и говорилъ о вещахъ настолько обыденныхъ, что я хохоталъ надъ всѣми пережитыми мной волненіями. Но я снова взволновался, когда Артамовъ, улыбаясь, спросилъ меня: «какъ мнѣ нравится Гуго Гроцій, и не глупо ли, что не имѣющая никакого значенія цифра преслѣдуетъ бѣднаго Валерія?». Я не на шутку струхнулъ—откуда ему это извѣстно, разъ я и намекомъ ничего не сказалъ? Но Артамовъ съ фамиллярностью оберъ-канцлера похлопалъ меня

по плечу и увѣрилъ, въ концѣ концовъ, что я самъ же разска-
зывалъ ему объ этомъ... Но мимо, мимо. Это не существенно. Я
не вѣрилъ до этой поры въ телепатію, а Гаврилу Петровича,
признававшегося мнѣ, что онъ «вѣритъ въ духовъ», я обозвалъ
«старой бабой», но, лишь только я переступилъ порогъ дома на
Божедомкѣ, я почувствовалъ, что я—какъ бы не я. Это печаль-
ное сомнѣніе въ самомъ себѣ заставило меня: во-первыхъ, ощу-
пить себя со всѣхъ сторонъ, что бы хотъ приблизительно удосто-
вѣриться, что я есмь я, а не Гаврила Петровичъ хотя бы, а во-
вторыхъ, писать эту исторію дальше подъ угломъ зрѣнія не
скромнаго библіофила Валерія, а ночного фантастическаго бро-
дяги вѣрящаго въ «духовъ», въ невѣроятіе невѣроятій и т. д.

Въ передней Артамовъ сдѣлалъ мнѣ заявленіе: «Я васъ на
часокъ, другой покину. Но все будетъ къ вашимъ услугамъ
здѣсь, господинъ Валерій». Я поклонился, прижавъ руку къ
сердцу, и походкой молодого льва взбѣжалъ по лѣстницѣ, сопро-
вождаемый нѣсколькими лакеями, одѣтыми въ изящныя зелено-
ватыя курточки. У нихъ были одинаковыя фізіономіи, одинаковыя
манеры, а, главное, всѣ они говорили одинъ за другимъ: «Сюда,
господинъ Валерій... направо, господинъ Валерій...» Я вошелъ въ
комнату, гдѣ меня встрѣтилъ мальчишка, одѣтый, какъ и лакеи.
Сдѣлавъ реверансъ, столь ловкій и граціозный, что я вспомнилъ
о пресловутыхъ реверансахъ эпохи Людовика XV, онъ произ-
несъ довольно мелодичнымъ голоскомъ: «Добро пожаловать, госпо-
динъ Валерій!» И я, что-то отвѣтивъ ему, далъ указанія лакеямъ
относительно вещей, быстро раздѣлся и попудрилъ у туалетнаго
столика лицо, горѣвшее съ дороги. Лакеи ушли. Мальчишка по-
дошелъ ко мнѣ и поглядѣлъ глазами попрошайки-щенка. «Что
ты?» спросилъ я его. «Господинъ Валерій утомился, господинъ
Валерій хочетъ чего-нибудь покушать?» спросилъ мальчишка. Я
былъ удивленъ такимъ оборотомъ рѣчи и спросилъ имя маль-
чишки—Сюлли. Французское имя, имя вельможи Гейнриха Навар-
рскаго, меня не заинтересовало, а объясненіе учтивости его было
на-лицо. Я попросилъ принести чегонибудь — все равно, чего,
но, непременно, чаю или кофѣ... Сюлли ушелъ.

Съ напудреннымъ, какъ у Арлекина, лицомъ, въ одномъ
бѣлѣ и съ какимъ-то непонятнымъ, но замѣчательно чарую-
щимъ жаромъ въ головѣ я сѣлъ на мягкій стулъ и сталъ обо-

зрѣвать комнату. Странное ея убранство меня поражало: полинявшія зеленоватыя обои, потолокъ лѣпной—какія-то пасторали, амурчики, и, вдругъ, наряду съ Діаной, пускающей стрѣлу, толстый, обрюзгшій монахъ, обнимающій пухлое отвратительное тѣло какой-то фуріи. Фигуры занимали не весь потолокъ: приблизительно съ полъ аршина было выкрашено въ безсмысленную сърую краску; эту часть потолка какъ будто засидѣли мухи. Это мнѣ показалось нелѣпой бравадой со стороны Артамова. Но потолокъ, все же, не представлялъ особенно замѣчательнаго. Мебель комнаты, на которую я сразу не обратилъ никакого вниманія, утомила меня своимъ видомъ: въ ней я увидалъ возрождающійся фаллицизмъ, и уже не благоговѣйнымъ экстатическимъ поклоненіемъ вѣяло отъ кресель, стульевъ и столовъ, а не то наглостью, не то роковымъ признаніемъ—смотрите, господа, вотъ вамъ *Ultima Thule* современнаго стиля! Несмотря на то, что *кто-то* самымъ явнымъ и нахальнымъ образомъ прививалъ мнѣ непонятныя желанія и образъ мыслей, я, влюбленный въ милые старинныя стили, не могъ скрыть своей брезгливости и плюнуть въ плевательницу, тоже вещь въ своемъ родѣ: Мефистофель съ открытымъ ртомъ, куда, собственно, и попадаютъ плевики. На минуту я схватился за свой напудренный лобъ и подумалъ о нелѣпости своего путешествія, но, вдругъ, за стѣной (или, вѣрнѣе, въ стѣнѣ) заиграли мелодію, *ту самую* мелодію. Играли, какъ мнѣ казалось, на лютнѣ. Изнеможенный сѣлъ я въ одно изъ кресель, минуту назадъ такъ ненавистныхъ, и, закрывъ глаза, сталъ полудрекать. И снились мнѣ странные цѣты гиганты, на которыхъ спятъ карлики, а я, маленькій и испуганный, стою внизу, стою на ладони великанши... потомъ, другое— маркизъ Карабасъ съ лицомъ Артамова дѣлаетъ мнѣ реверансъ, и добродушно улыбается большой умный котъ... «Господинъ Валерій, кушанія готовы, господинъ Валерій»... говоритъ онъ тоненькимъ мелодичнымъ голоскомъ... Я вздрагиваю и вижу передъ собой Сюлли, указывающаго рукою въ бѣлой перчаткѣ на столъ. Съ несвойственной мнѣ ажитаціей и представляя въ нижнемъ бѣльѣ и съ набѣленнымъ лицомъ зрѣлище не некомичное, я кинулся къ Сюлли и схватилъ его за руку. «Сюлли, дорогой Сюлли, кто это играетъ тамъ?» и я указалъ пальцемъ на стѣну, представлявшуюся мнѣ стѣною изъ «Сказки объ Али-Бабѣ и

сорока разбойникахъ». Сюлли поглядѣлъ на меня невиннымъ взоромъ неиспорченнаго мальчика и тономъ успокаивающимъ сказалъ: «О, господинъ Валерій, дорога разстроила васъ, господинъ Валерій, — никто не могъ играть тамъ». И Сюлли, поклонившись, вышелъ, оставивъ меня съ разинутымъ ртомъ. Ко мнѣ вернулось на мгновеніе мое спокойное отношеніе къ дѣйствительности, что было весьма понятно—яства, принесенныя граціозными руками Сюлли, дѣйствовали на зрѣніе и обоняніе довольно успокаивающе. Я не сталъ Геркулесомъ на распутьѣ и немедленно принялся за ѣду, пренебрегши разгадкой волшебнаго происшествія. Набивъ желудокъ и погрузившись въ пантеистическое созерцаніе опустошенныхъ тарелокъ, я напоминалъ, вѣрно, нѣкоего обжору глоссатора, столь мило описанаго Одофредомъ. Я просидѣлъ такъ часъ, и, вдругъ, во мнѣ неожиданно явилась жажда дѣятельности: хотѣлось гулять, говорить, даже танцевать съ кѣмъ-нибудь à la моя бѣдная Елизабетъ. Впрочемъ, я скоро выругался, ибо сталъ чувствовать опять чье-то проклятое вліяніе. Тоже чувство оцѣпенѣнія и животнаго страха, какъ и при появленіи проклятыхъ мышей, испыталъ я, когда вмѣсто своего сѣраго смокинга, черныхъ широкихъ брюкъ и обыкновенныхъ мягкихъ ботинокъ увидѣлъ нелѣпый маскарадный костюмъ: голубой камзолъ, голубые панталоны, бѣлый жилетъ и кружевное jabot, чулки, башмаки и еще какіе-то аксессуары. «Меня дурачатъ», подумалъ я, «впрочемъ, чортъ съ ними—разодѣнусь. Ахъ, эта лисица Сюлли, это онъ совершилъ подмѣну... Вотъ вамъ и аркадскій пастушокъ». Однако, большое пятиугольное зеркало успокоило меня скоро: вмѣсто обыкновеннаго сучающаго буржуа съ манерами служащаго въ библіотекѣ, передо мной стоялъ маркизъ эпохи Людовика XV, интересный, съ благороднымъ насмѣшливымъ лицомъ и блестящими смѣло глазами. Кой какимъ анахронизмомъ казалась папираса во рту и отсутствіе ларика на головѣ, украшенной зато волосами цвѣта гіацинта, которымъ могъ бы сейчасъ позавидовать Дафнистъ. Сюлли мнѣ начиналъ положительно нравиться — духи, гребни, щеточки, кремы, платки etc. лежали на овальномъ туалетномъ столикѣ, и я, смѣющийся радостно, причесывался, душился, крутилъ (короткіе, впрочемъ) усы, словно готовился быть представленнымъ по меньшей мѣрѣ королю. Въ душѣ же я желалъ пред-

ставиться королевѣ, ибо было бы чрезвычайно скучно позировать хотя бы передъ Артамовымъ, Сюлли или Гаврилой Петровичемъ, будучи такимъ extra интереснымъ и обаятельнымъ. Однако, позировать передъ самимъ собой было еще непріятнѣе, и я, одѣвъ палевыя перчатки и насвистывая бравурный маршъ двинулся къ дверямъ. Въ моей головѣ, слегка затуманенной отъ запаха духовъ и какихъ-то экзотическихъ кремовъ, была одна настойчивая мысль—идти. И я пошелъ.

III.

Гуинплэнь, вѣроятно, чувствовалъ себя гораздо лучше въ пустынныхъ залахъ дворца герцогини Жозіаны, чѣмъ я, войдя въ смежную съ моей комнату. Говорю комнату, а не переднюю или лѣстницу: діаволь руководилъ моими шагами — я попалъ, видимо, не въ ту дверь. Ювеналь не любилъ египтянъ за ихъ культъ животныхъ, у него бы желчь разлилась при видѣ этой комнаты. Впрочемъ, онъ и меня разозлилъ. Пустая комната, а на стѣнахъ и потолокъ—собаки, коты, слоны, кентавры, сирены ихтиозавры и т. п. И каждая морда въ ореолѣ всѣхъ цвѣтовъ радуги, словно святые. Въ Мюнхенѣ я не могъ бывать въ Tiergarten'ѣ изъ-за запаха, мнѣ вспомнилось это, и я, забывъ мое восхищеніе столь недавнее, почувствовалъ непреодолимое желаніе уйти поскорѣй изъ этой глупой комнаты назадъ, къ себѣ. Сквозь пудру на моемъ лицѣ выступилъ холодный потъ: дверей назадъ не было... Я опомнился. «Patienza, patienza!» говорилъ я себѣ, «все же, это становится интереснымъ». Гдѣ-то вдалекѣ я услыхалъ ровный металлическій голосъ, выкрикивающій съ промежутками: господинъ маркизъ Флери... господинъ маркизъ Буари... господинъ маркизъ Те... дальше я не разслышалъ. Я обратился ко «внутреннему голосу», знакомому мнѣ еще съ дѣтства отъ господина Шиллера изъ его стихотворенія «Hoffnung». Результатомъ этого было то, что я сталъ далеко въ углу комнаты и ждалъ, что будетъ. Фигуры животныхъ стали какъ-то блекнуть, суживаться и, наконецъ, совсѣмъ исчезли. Кто-то моментально обтянулъ стѣны голубымъ шелкомъ—цвѣта южнаго неба весной, а съ потолка свѣсилась люстра со многими свѣчами изъ голубого воска и украшеніями въ стилѣ рококо. Свѣчи горѣли такъ